

Михаил Л. Котин
Зелена Гура

ПРАВДА И ИСТИНА: О ЯЗЫКОВОЙ КОДИФИКАЦИИ
«ВЕРИТАТИВНЫХ» КОНЦЕПТОВ

1. ПРАВДА и смежные концепты.

Исследовательские задачи и композиция статьи

Будучи универсальным принципом языковой номинации, метафоричность, как многократно указывалось в современной лингвистической литературе, — это не отклонение от нормы, но, напротив, общий закон языковой кодификации самых разных сегментов понятийной сферы. В отличие от взглядов античных авторов (наиболее подробно представленных в трудах Аристотеля¹), согласно которым метафора выступает в качестве украшения стиля и представляет собой разновидность риторической фигуры, современные теории холистического когнитивизма исходят из постулата, что метафорический способ мышления характерен для осмысления человеческим сознанием окружающей действительности, а следовательно, предваряет метафоризацию в узко лингвистическом смысле². В указанном труде в научный обиход вводится понятие концептуальной, или когнитивной, метафоры (*conceptual [cognitive] metaphor*), то есть определённой «метафорической тропы», соединяющей языковое выражение с его реализацией в родственных понятийных областях. В качестве примера Джон Лакофф и Марк Джонсон приводят концептуальную метафору «спор — это война», указывая на множественные коннотации военной терминологии в текстах, посвящённых дискуссии и спору. Другие примеры, содержащиеся в данной и других работах названных авторов, это «жизнь — путешествие», «любовь — война», «социальные институты — сад» и т.п.

¹ Aristotle: *Poetics*. Пер. I. Bywater. В кн.: *The Complete Works of Aristotle*. Ред. J. Barnes. The Revised Oxford Translation. 2 Voëls. Princeton: Princeton University Press 1984.

² J. Lakoff, M. Johnson: *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press 1980/2003, с. 8–9.

Подобное понимание метафоры вообще и, в частности, метафорического способа языковой номинации опосредованно связано с теорией первичных концептов (*semantic primitives*), образующих основу для создания и использования новых, более сложных, составных концептов в процессе языковой номинации³. Первичные концепты (как, например, МЕСТО, ПРОСТРАНСТВО, ПРЕДМЕТ или ЧТО-ТО⁴) репрезентируют феномены, которые по своей природе не могут быть ни определены посредством других понятий, ни разделены на части, поскольку образуют неделимые сущности⁵. Такого рода понятия, или концепты, образуют поэтому типичные «исходные пункты» при метафоризации в сфере мышления и соответственно в сфере языка.

В настоящей статье описанный выше подход будет использоваться, однако, лишь выборочно и с существенными оговорками общеметодологического характера. Это объясняется тем, что безусловное следование когнитивному методу в лингвистике приводит к возникновению серьёзных, до сих пор открытых вопросов. Одна из таких проблем — онтологический статус концептов, представляющих собой исключительно теоретические построения, которые, в отличие от языковых знаков, не имеют никакой связи с материальными носителями, а следовательно, эмпирически недоказуемы. Поэтому в данной работе принимается положение, согласно которому концепты не являются автономными феноменами, независимыми от соответствующих языковых форм, в чьей оболочке они выступают. Их написание заглавными буквами не меняет того факта, что, подобно языковым знакам, они представляют собой обычные символические формы.

Не требует доказательства факт, что «веритативная»⁶ концептуальная сфера ни в одном из языков мира не принадлежит к первичным концептам и всегда представлена словами со сложной, часто «многоярусной» семантической структурой. Рассматривая ПРАВДУ или

³ Ср. А. Wierzbicka: *Semantic Primitives*. Frankfurt a. M.: Athenäum 1972, с. 10; А. Wierzbicka: *The Semantics of Grammar*. Amsterdam–Philadelphia: Benjamins 1988, с. 12.

⁴ Здесь и далее названия концептов, в отличие от их языковой реализации, согласно принятой в когнитивной лингвистике традиции, пишутся заглавными буквами.

⁵ Имеется в виду не механическая неделимость (которая, несомненно, может отсутствовать, например, в концепте ПРЕДМЕТ), но неделимость понятийная, состоящая в том, что соответствующие концепты могут мыслиться исключительно как единое целое, объединяющее самые различные феномены в понятие, которое, в свою очередь, уже нельзя определить иначе, как противопоставить его тому, что данным понятием не является, например, ПРЕДМЕТ — НЕ-ПРЕДМЕТ и т.п.

⁶ От лат. *verus* ‘подлинный, истинный, настоящий’, *veritas* ‘правда, истина’.

ИСТИНУ, в соответствии с терминологией Лакоффа и Джонсона⁷, как концептуальную «целевую домену» (*target domain*), можно для начала установить, что ей соответствуют следующие «исходные домены» (*source domains*)⁸:

- 1) НОРМА,
- 2) СУЩНОСТЬ,
- 3) (наблюдаемая) ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ.

Исходные концепты 2) и 3) в известной степени приближаются к первичным, хотя никогда таковыми не являются в полной мере. Исходный концепт 1) первичным быть не может по самой своей природе и обнаруживает, пожалуй, не менее сложную структуру, чем мотвированный им целевой концепт ПРАВДЫ. Из этого следует, что концепт НОРМЫ, в свою очередь, восходит к первичным концептам, которые будут рассмотрены ниже. Несмотря на это, исходные концепты 1) и 3) имеют гораздо больше общих черт, чем концепт 2), стоящий особняком, причины и следствия чего также являются предметом дальнейшего рассмотрения в настоящей работе.

Предлагаемая статья ставит перед собой две основные исследовательские задачи. Во-первых, будут рассмотрены лексемы, возникшие на основе каждого из перечисленных концептов, то есть в результате метафорического осмысления *правды* и *истины* как НОРМЫ, СУЩНОСТИ и РЕАЛЬНОСТИ. Важнейшей целью является здесь выявление особенностей языковой кодификации каждого из концептов, а следовательно, сходств и различий между полученными в результате мета-

⁷ См. J. Lakoff, M. Johnson: *Metaphors we live by...*

⁸ В указанной и других работах названных авторов под *source domain* понимается концептуальный источник метафорической номинации, то есть тот базовый концепт, который лежит в основе метафорического переосмысления. В приведённых выше примерах типа «спор — это война» такой исходной доменой является концепт ВОЙНА, а целевой доменой (*target domain*), то есть собственно концептуальной метафорой, является СПОР. Отметим, что данная терминология имеет полноценные аналоги как в классической (аристотелевской) теории метафоры, так и в других терминологических системах, так или иначе основанных на идее «замещения» (субституции) при метафорической номинации. Достаточно вспомнить об известных каждому школьнику понятиях прямого и переносного значения или о специфических терминах вроде *tenor/ground*, *vehicle/figure*, *tertium comparationis* (ср. I.A. Richards: *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford: Oxford University Press 1936; *Metaphor and Thought*. Ред. А. Ортоны. Cambridge: Cambridge University Press 1979; К. Ваак: *Metaphor and Knowledge: The challenges of writing science*. New York: State University of New York Press, Albany 2003; St. Arduini: *Metaphors*. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura 2007). Отличие когнитивного подхода состоит лишь том, что здесь речь идёт не о механизмах создания переносных значений собственно в языке, а о предваряющих их универсальных механизмах метафоризации в сфере деятельности человеческого сознания при осмыслении окружающего мира в целом.

форического переноса языковыми единицами. При этом проводится сравнительный анализ механизмов кодификации указанных концептов в разных языках, принадлежащих к индоевропейской языковой семье, на основе которого показывается известная уникальность кодификации данных концептов в русском языке. Во-вторых, будет показано, что, в зависимости от того, какие из трёх вышеназванных концептов образуют основу для возникновения лексем со значением 'правда' и/или 'истина', соответствующие лексемы в большей или меньшей степени подвержены дальнейшим семантическим сдвигам, вплоть до полной утраты первоначальной семантики и грамматикализации в статусе синсемантических (то есть не имеющих собственного лексического значения) грамматических единиц. При рассмотрении второй проблемы методологической базой исследования является современная концепция грамматикализации, основные положения которой кратко излагаются ниже, в соответствующих разделах.

Решению двух названных задач посвящены соответственно разделы 2. и 3. настоящей работы. В разделе 4. подводится общий итог проведённого анализа.

2. Концептуальные области ПРАВДЫ и ИСТИНЫ и их кодификация в русском и некоторых других языках индоевропейской семьи

2.1. ПРАВДА как НОРМА

НОРМА как исходная домена концептуальной (когнитивной) метафоры «правда есть норма» принадлежит к «нормативной» сфере в самом широком смысле. Поэтому проблема заключается здесь ещё и в том, что НОРМА, в свою очередь, принадлежит к неоднозначной понятийной области, предполагающей при своей языковой кодификации весьма широкую метафоричность, обнаруживающую известную проницаемость и прозрачность внутриконтентуальных границ. По своей природе подобные концепты всегда зависят от целого ряда факторов, обусловленных в том числе этнокультурной спецификой. Весьма тривиальным фактом является, в частности, «подвижность» того, что считается нормой, принципиальная изменяемость этого «ядерного» и связанных с ним «периферийных» понятий в зависимости от эпохи и особенностей жизни социума. То, что было нормой несколько столетий, а иногда и всего несколько лет назад, сегодня считается анахронизмом и отклонением от совершенно иначе определяемой, новой

нормы. То, что сегодня является нормой в некоторых странах Азии и Африки, нередко считается отклонением от нормы в Европе и Северной Америке, и наоборот. Помимо этого, существуют как многовековые, устойчивые нормы, так и нормы, меняющиеся относительно быстро, иногда в течение жизни одного поколения.

Из нескольких исходных домен, лежащих в основе кодификации ПРАВДЫ в индоевропейских языках, выделим две важнейших — ПРАВУЮ РУКУ и ПРЯМУЮ ЛИНИЮ. Оба концепта выступают в качестве исходной домены концепта НОРМЫ, который, в свою очередь, является исходной доменой концепта ПРАВДЫ.

Когнитивная метафора «норма — праворучность» вытекает из эмпирического факта, что правшами являются большинство людей. Известно, что левшество долгое время рассматривалось как отклонение от нормы, а левши нередко становились настоящими изгоями и всячески преследовались. Фактически простая частотность явления стала причиной его оценки как нормы, а следовательно, правильности, должного положения вещей. Левшество же было неправильным именно в смысле его оценки в обществе как явления недолжного, а следовательно, неправого. В современной цивилизации левшество уже практически повсеместно не считается чем-то «ненормальным», но исторические корни таких слов, как *правый* ‘справедливый’, *право*, *правило*, *правильный*, *править*, *поправлять*, *отправлять*, *управлять*, *п р а в д а* восходят именно к концепту правой руки и его языковой кодификации. Аналогичная связь существует, например, в польском языке, где прилагательное *prawy*, первоначально относившееся к правой руке, легло в основу таких слов, как *prawidłowy*, *prawo* (как *lex*, так и ‘научный закон’), *naprawiać*, *uprawiać*, *sprawa*, *sprawiedliwy*, *rozprawa*, *odprawa*, *prawdopodobny*, *poprawiać*, *poprawny*, *p r a w d a*.

Другая когнитивная метафора — «норма — прямая линия» связана с тем, что прямая является кратчайшим расстоянием между двумя точками. В качестве нормы выступает здесь собственно оптимальность, понятая как минимальность, а следовательно, простота. Так, в польском языке прилагательное *prosty* означает как ‘прямой’, так и ‘простой’. Латинское прилагательное *rectus* ‘прямой’ и этимологически связанные с ним немецкие лексемы *recht* ‘прямой’, ‘правильный’, ‘правый’ *rechts* ‘справа’, *richtig* ‘правильный’, *richten* ‘направлять’, *Recht* ‘право’, *Richter* ‘судья’, *Gericht* ‘суд’, *berichten* ‘исправлять’, *gerecht* ‘справедливый’ и английское прилагательное *right* ‘прямой’, ‘правильный’ используют именно данный концепт. Антонимами слов, возникших на базе данного концепта, являются слова со значением неправды или отклонения от нормы, понимаемым как искривление, кривизна, ср. рус. *кривда*.

Характерно, что при языковой кодификации обоих концептов (ПРАВОРУЧНОСТЬ и ПРЯМАЯ ЛИНИЯ) происходит их максимальное сближение и даже пересечение, как это видно на примере немецкого прилагательного *recht* ‘прямой’, ‘правильный’, ‘правый’. Иными словами, независимо от этимологии слов, означающих НОРМУ и основанную на ней ПРАВДУ в конкретных языках (очевидно, что русс. *правда*, с одной стороны, и нем. *Recht*, с другой, произошли от разных индоевропейских основ), при использовании базовых исходных концептов в метафоризации вполне возможна их контаминация. Кроме уже приведённого примера из немецкого языка, можно указать здесь, в частности, что индоевропейская основа, от которой произошли русские и польские слова со значением нормы и правды, одновременно является этимологической деривационной базой таких слов, как болг. *направо* ‘прямо’.

Правда, осмысляемая как справедливость, таким образом, ближе всего стоит к первоначальному концепту, вытекающему из понимания правды как нормы, ср.:

- (1) Иак. 1, 20: Гнев человека не творит правды Божией.

В современном русском языке в этом значении существительное *правда* употребляется сравнительно редко, зачастую в устойчивых словосочетаниях (ср. пример (2) ниже); основным, несомненно, является значение ‘высказывание, соответствующее действительности’, возникшее позднее (пример (3)). Иногда оба значения сближаются, и соответствующее употребление может быть выявлено из контекста (пример (4)):

- (2) У каждого своя правда (посл.).
(3) Он сказал правду.
(4) Журналист пострадал за правду (за то, что написал правду и/или за то, что выступал за справедливость).

Правда, таким образом, получает, наряду с прозрачным по своей мотивации осмыслением нормы как *справедливости* и вообще *добра*, новое осмысление, в котором норма понимается не столько как поведение или действие, сколько как правдивое высказывание. В принципе такая метафорика вполне прозрачна, поскольку естественно воспринимать как нормальное именно такое высказывание, которое соответствует действительности. Противоположное «речевое поведение» воспринимается соответственно как отклонение от нормы и получает адекватную негативную коннотацию, выступая как антоним *правды* — *ложь*.

Следует, впрочем, оговориться, что в языке не любое высказывание, отклоняющееся от правдивого, автоматически кодифицируется как *ложь*. Последнее существительное обнаруживает высокую степень семантической специфичности и используется лишь тогда, когда речь идёт о сознательно говоримой неправде, то есть когда говорящему известна *правда*, которую он в силу тех или иных причин желает скрыть (5). Во всех остальных случаях антонимом *правды* может быть как *неправда* (которая может быть (6) или не быть (7) синонимична слову *ложь*), так и, например, *заблуждение*, которое всегда «добросовестно» в том смысле, что действительное положение вещей говорящему неизвестно (8), ср.:

- (5) Он ещё никогда не слышал столь чудовищной лжи.
- (6) Вы сознательно говорите неправду (ложь).
- (7) — Самолёт вылетает в одиннадцать утра. — Неправда (*Ложь)! В одиннадцать вечера.
- (8) — Правда ли, что антибиотики помогают при аллергии? — Нет, это заблуждение/неправда⁹/ложь [последнее возможно лишь в том случае, когда исходное утверждение делается намеренно, скажем, в целях рекламы антибиотиков].

Характерно, что образованные от существительного *ложь* прилагательные *ложный* и *лживый* имеют принципиально различные референтные области. Первое по своей семантике «пассивно» и не сочетается с антропонимами (**ложный человек*): ложными могут быть теория, утверждение и т.п., вытекающие из заблуждений, но никогда не являющиеся сознательной ложью. Второе всегда «активно» в том смысле, что сочетается либо непосредственно с антропонимами, понимаемыми как сознательные носители данного признака (*лживый человек*), либо опосредованно относятся к говорящим через характеристику их высказываний (*лживые речи, заявления* и т.п.).

Правда как соответствие одному из принципов (или «максим»), «нормальной» («успешной») коммуникации, сформулированному авторами теории речевых актов⁹, в концептуальном плане является, таким образом, производной от исходного концепта НОРМЫ, относимой в конкретном случае к языковому общению. Однако, в отличие от логически безупречного и на первый взгляд однозначного метафорического переноса, лежащего в основе данной номинационной структуры, в реальном языке мы имеем дело с достаточно сложным осмыслением целевого концепта ПРАВДЫ. Дело в том, что оценка

⁹ Ср. Н.Р. Grice: *Logic and Conversation*. В кн.: *Speech Acts*. Ред. Р. Cole, P.J.L. Morgan. Vol. 3. New York: Academic Press 1975, с. 41–58.

высказывания как *правды* или *неправды* зависит от целого ряда условий. Выше уже приводился критерий различения сознательной лжи и добросовестного заблуждения. Наряду с данным, бесспорно существенным, противопоставлением существуют факторы известной градации ПРАВДЫ (ср. *полуправда*; *это не вся правда*; *неполная правда*, *истинная правда* и т.д.) и её зависимости от содержания высказывания («акцидентальная» правда единичного случая или факта; правда, выходящая за пределы акцидентальности; правда, имеющая обобщённое значение и т.д.), эпистемической составляющей (степени уверенности говорящего в действительности сообщаемых фактов или истинности предлагаемых суждений) и другие.

Такая размытость концептуального контура является причиной возникновения множественных оттенков основного лексического значения, вплоть до семантики, в известной степени ему противоречащей, о чём речь пойдёт ниже, в третьем разделе. Пока же отметим, что на уровне синтагматической сочетаемости существительное *правда* и его производные обнаруживают асимметрии и «лексические сдвиги», которые могут быть объяснены в том числе вышеназванными причинами.

Так, «говорение правды» в устойчивых словосочетаниях, как правило, связывается с негативными коннотациями, проходящими по «перлюкутивной линии», то есть по линии восприятия правды реципиентами содержащих её высказываний. *Правда* может быть и часто бывает *горькой* или *суровой* (то же наблюдается и в других языках, ср. нем. *bittere, schreckliche Wahrheit* 'горькая, страшная правда'), но никогда — *сладкой* и почти никогда — *приятной*. Когда речь идёт о том, что кто-либо говорит кому-либо *правду в глаза*, всегда имеется в виду правда, для этого последнего неприятная. Пословицы типа *правда глаза колет* также отражают указанную особенность семантики существительного *правда* в сочетании с другими лексемами.

Выражения типа приведённого в примере (2) *У каждого своя правда* демонстрируют, наряду с градацией и относительностью концепта, возможность — именно в силу этих его свойств — его известной инструментализации, использования в интересах говорящего. Не случайно говорение «правды в глаза» всегда относится не к эмитенту речевого акта, а касается тех или иных свойств, поступков и проч. его реципиента. Таким образом, исконно позитивно коннотируемый концепт ПРАВДЫ используется в речи с целью обличения неправды *другого человека* и никогда — самого говорящего. Налицо семантический парадокс, состоящий в использовании мощного позитивного потенциала концепта как такового для достижения эффекта, обусловленного заинтересованностью говорящего, а следовательно, по определению снижающего или

даже целиком обесценивающего онтологически укоренённый смысл любого высказывания, содержащего слово *правда* и его производные. Язык поэтому безошибочно реагирует на данную коллизию, придавая не конкретным высказываниям, но самому концепту вторичную по своей природе, но совершенно неизбежную «размытость», вплоть до противоположности исконному значению.

2.2. ИСТИНА как СУЩНОСТЬ

СУЩНОСТЬ как исходная домена концепта ИСТИНЫ представлена в словах русского языка *истый, истина, истинный*. Существительное *истина* в определённых употреблениях может выступать как синоним *правды*, однако, как будет показано ниже, здесь налицо не просто частичная или неполная синонимия, но кардинальное различие в семантике обеих лексем.

Этимология слова *истина* первоначально связывалась с основой глагола *есть*, то есть, согласно утверждению о. Павла Флоренского, «истина [...] закрепила в себе понятие абсолютной реальности: истина — ‘сущее’, подлинно существующее, [...] в отличие от мнимого, не действительного, бывающего»¹⁰. В современных исследованиях этимологическое родство слова *истина* с глагольной формой *есть* отвергается¹¹. Русское существительное и его соответствия в других славянских языках возводятся, наряду с прилагательным *истый*, а также такими словами, как латинское указательное местоимение *iste* ‘этот; тот’, умбр. *esto*, болг. *ист* ‘тот же самый’, к контаминированной индоевропейской местоименной основе **is-to*¹². Таким образом, «существенность» как семантический признак *истины* является метафорическим переосмыслением тождественности объекта самому себе.

Сразу же отметим, что наличие в словаре двух существительных для обозначения ПРАВДЫ¹³ и ИСТИНЫ является особенностью русского

¹⁰ П.А. Флоренский: *Стол и утверждение истины*. Москва: Правда 1990 (впервые опубликовано в 1914 г.), с. 15.

¹¹ Ср.: О.А. Смирницкая: *Проблема интерпретации гот. sunja, или Что есть истина?* В кн.: *Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации*. Ред. Н.Ю. Гвоздецкая, И.В. Кривушин. Иваново: Ивановский государственный университет 2002, с. 73.

¹² О.Н. Торогов: *Этимологические заметки (славяно-италийские параллели)*. W: *Краткие сообщения Института Славяноведения АН СССР*. Вып. 25. Москва: Наука 1958; М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубочёва. 2. изд. Том 2. Москва: Прогресс 1986.

¹³ Речь идёт о значении правдивого высказывания, информации, соответствующей действительности, фактам. Значение ‘справедливости’, то есть собственно ‘правды

языка и вообще языков восточнославянской группы, а для подавляющего большинства других языков индоевропейской семьи в таком виде не характерно. Так, в польском языке слово *prawda* полностью покрывает своим семантическим объёмом оба концепта, являясь в этом смысле ещё более неспецифичным обозначением, чем русское *правда*. В других славянских языках для обозначения обоих концептов также чаще всего используется одно слово, которое может этимологически восходить как к корню, от которого произошло слово *правда* (что имеет место в западнославянском языковом ареале, в частности, в польском, чешском, словацком), так и к корню, от которого возникло слово *истина* (последнее наблюдается в некоторых южнославянских языках, например, в болгарском и отчасти в сербском¹⁴).

В немецком языке существительное *Wahrheit*, которое, подобно латинскому *veritas*, восходит к основе, первоначально кодифицировавшей концепт РЕАЛЬНОСТИ (ср. ниже, раздел 2.3.), также означает как *правду*, так и *истину*. Аналогичный семантический объём характерен для английского существительного *truth*. Соответствующие имена прилагательные лат. *verus*, нем. *wahr*, англ. *true*, производными которых являются абстрактные имена со значением ‘правда’ и ‘истина’, также включают оба данных значения, то есть в их концептуальной отнесённости также нет разделения на ‘правдивый’ и ‘истинный’.

Франц. *vérité* также может означать как *правду*, так и *истину*, хотя для обозначения последней используется также более специфическое слово *vrai*, кодифицирующее, впрочем, скорее *подлинность*, *верность* в смысле соответствия оригиналу и т.п. Итал. *verità*, исп. *verdad* имеют сходный семантический объём и не проводят разделения на значение *правды* и *истины*.

Греч. *ἀλήθεια* также означает как ‘правду’, так и ‘истину’¹⁵, а в переводе греческих библейских текстов на готский язык регулярно соот-

поступка’, здесь не рассматривается. В других языках оно, как правило, соответствует иным лексемам, ср. нем. *gerecht* ‘справедливый’, *Gerechtigkeit* ‘справедливость’, англ. *justice*, фр. *justice*, исп. *justicia* ‘справедливость’, ‘правда’, лат. *justitia* (наряду с *veritas*!) ‘справедливость’.

¹⁴ В некоторых устойчивых сочетаниях в сербском языке используется лексема *право* в значении «правильное высказывание», «правда».

¹⁵ Чрезвычайно интересна этимология греческого слова, восходящего к глаголу *λήθω* ‘минуя, ускользя’ (О.А. Смирницкая: *Проблема интерпретации...*, с. 74), которое толкуется как ‘нескрытое», ‘пребывающее в текущем времени» (там же; ср. также П. Флоренский: *Столп и утверждение истины...*, с. 18). Этимологический словарь греческого языка (Н. Frisk: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Heidelberg: Winter 1960) в качестве промежуточной ступени деривации приводит прилагательное *ἀληθής* ‘истинный’, являющегося по происхождению комбинацией α-privativum и производного от глагола *λήθω* прилагательного; внутренняя форма производного

ветствует готскому существительному *sunja*, которое, в свою очередь, кодифицирует весь «веритативный» спектр¹⁶. Характерно, что готское существительное *sunja* этимологически родственно глагольной основе **es-* ‘,быть’, которая представлена в разных аблаутных вариантах во многих других германских словах, хотя их семантика, в отличие от готского слова, как правило, настолько изменилась, что не обнаруживает общих черт с исконным значением *бытия*. Первоначальная семантика была пересмыслена во многих лексемах как ‘вина’, ‘грех’, ср. древнеисл. *synd*, древнефризск *sonde*, *sende*, древнесаксонск. *sundia*, древневерхненем. *suntea*, нововерхненем. *Sünde* ‘грех’; в древнеисландском однокоренное *syn* имеет также практически прямо противоположное *истине* значение — ‘опровержение, отрицание (судьбы)’, тогда как прилагательное *sannr* объединяет в себе значения ‘истинный’ и ‘виновный’. Причины подобных семантических сдвигов не могут быть предметом данного исследования, хотя, бесспорно, заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь отметим лишь, что предполагавшееся (впоследствии отвергнутое этимологами) родство между существительным *истина* и глаголом *быть* (в форме *есть*) в русском языке, в готском совершенно несомненно¹⁷, а также, что из всех германских языков лишь в готском связь с глагольной основой ‘быть’, ‘есть’ «сохраняется в сигнификативном значении»¹⁸. Однако и в готском, подобно другим индоевропейским языкам, кроме восточнославянских, одно и то же слово означает как истину, так и правду.

Таким образом, концептуальный анализ существительного *истина* в русском языке¹⁹ в значительной степени должен производиться изолированно, поскольку отсутствуют типологически релевантные параллели, которые позволили бы на основе сравнения данного слова с его соответствиями в других языках выявить общие для какой-либо группы языков признаки кодификации концепта ИСТИНЫ не как части или разновидности концепта ПРАВДЫ, а как сущностно иного концепта, в известной степени противостоящего концепту ПРАВДЫ.

прилагательного может трактоваться, таким образом, как ‘нескрытый’. Остаётся нерешённым вопрос, идёт ли речь о феномене, нескрытым по своей природе или о чём-то, что «перестало быть скрытым», стало «открытым».

¹⁶ W. Streitberg: *Die Gotische Bibel*. Erster Teil: *Der gotische Text und seine griechische*. Vorlage 5, durchgesehene Aufl. zweiter Teil: *Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch*. 4, unveränderte Aufl. Heidelberg: Winterverlag, с. 132; E. Seebold: *Germanisch *sanþ-/*sund- «seiend wahr»*. «Sprache» 1969, № 15, с. 14–45.

¹⁷ Ср. О.А. Смирницкая: *Проблема интерпретации...*, с. 73 и сл.

¹⁸ Там же, с. 74.

¹⁹ Сказанное относится, конечно, и, например, к украинскому и белорусскому языкам.

Русское слово *истина* выступает в контекстах, исключающих, как правило, широкую дистрибуцию данной лексемы, которую поэтому можно без сомнений отнести к разряду единиц со «специфичной» семантикой. *Истина* может быть отнесена, например, к научному суждению или системе научных знаний (ср. пример (9) ниже), которые бывают истинными или ложными. Она может пониматься также как явленное в откровении, сверхприродное знание о сути вещей, и тогда мы говорим об истине в её религиозном измерении (10). Однако *истина* не может быть акцидентальной правдой факта, который по своей природе изменчив и зависит от внешних обстоятельств (11), ср.

- (9) Единственной целью настоящего учёного является поиск истины (*правды).
- (10) Катехизис содержит свод положений, являющихся истинами (*правдами) веры.
- (11) Это правда (*истина), что завтра будет дождь?

Метафоризация данного типа по своей природе исключает отнесение к концепту НОРМЫ, поскольку норма подвижна, подвержена коррекции или радикальным изменениям. В отличие от нормы, сущность вещей как понятие онтологического плана содержит компонент, который можно назвать *неизменностью*. Неизменность характеризует при этом объективное существо истины, не зависящее от степени приближения к ней познающего субъекта. Познанию истины как процессу, разворачивающемуся во времени, напротив, свойственно изменение, расширение, ревизия или даже полное отвержение представлений, существовавших на разных этапах познания. Истина поэтому вполне может именоваться неполной, частичной, относительной и т.д. Однако данные характеристики всегда относятся не к самой истине, но метафорически переносятся на «работу сознания»²⁰ по её постижению. Целью познания истины является при этом постижение сознанием именно *неизменной* её сущности, даже если это в полной мере невозможно. Понятным становится в этой связи ограничение на употребление слова *истина* в различного рода «относительных» и «размытых» смыслах. По этой же причине вполне возможно представить себе *полуправду*, но никогда — **полуистину*. Уже упоминавшаяся выше русская крылатая фраза *У каждого своя правда* теряет смысл, если заменить в ней слово *правда* на *истина*, поскольку *правда* допускает различные трактовки и относительное понимание, тогда как самым главным отличительным

²⁰ М.К. Мамардашвили, А.А. Пятигорский: *Символ и сознание*. Санкт-Петербург: Азбука–Аттикус 2011, с. 20 и далее.

признаком *истины* является её независимость от представлений, желаний или уровня осведомлённости конкретного субъекта.

Ещё один пример, показывающий отличие концептуальных сфер рассматриваемых слов и их производных, — это сочетание *истинная правда*, выражающее предельную степень поддающейся градации *правды*, при невозможности сочетания **правдивая истина*, поскольку истина по определению не может не быть правдивой и, в отличие от *правды*, градации не поддаётся. Познать истину можно как полностью, так и отчасти, но *быть отчасти* истина не может.

Данное свойство концепта ИСТИНА полностью проявляется в его отнесении к исходному концепту СУЩНОСТИ, поскольку сущность является онтологическим условием бытия любого феномена, а её неизменность, стабильность — гарантией его действительности и уникальности.

С другой стороны, сущность далеко не всегда очевидна и, как правило, укрыта от непосредственного восприятия человеческим сознанием. Поэтому именно сущность вещей является предметом научных исследований или теологических построений.

Вторым общим признаком исходного концепта СУЩНОСТИ и целевого концепта ИСТИНЫ, наряду с признаком неизменности, стабильности, «неразмытости», является, таким образом, криптологический, скрытый характер. Истина является предметом научного поиска или содержанием откровения, то есть она должна так или иначе быть найдена, открыта. Ср. в этой связи интерпретацию греческих слов *ἀληθής* ‘истинный’ *ἀλήθεια* ‘истина’, производных от глагола *λήθω* ‘минуя, ускользя’ посредством «отрицающего» (привативного) префиксального элемента *α-*, как чего-то, что (больше — ?) не ускользает от непосредственного наблюдения, а следовательно, (больше — ?) не скрыто (сноска 15 в настоящем разделе).

Предельная онтологизация понятия ИСТИНЫ наступает тогда, когда она перестаёт быть умопостигаемой сущностью, а делается содержанием прямого откровения. Это происходит в текстах Евангелия, где «истина [...] не постигается усилием мысли — как движение от незнания к знанию, а *является* как откровение. Она засвидетельствована словами Иисуса и самим Его «пришествием в мир»; она довлеет себе и не нуждается в рациональном обосновании [...]. Можно сказать несколько иначе: истина в Евангелии всецело онтологична. Она — *сущая*»²¹. При этом происходит парадоксальное стирание границ между абстрактным и конкретным, неодушевлённым и одушевлённым, ср. слова Христа «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6), то есть вопрос

²¹ Ср. О.А. Смирницкая: *Проблема интерпретации...*, с. 72.

Понтия Пилата «*Что* есть истина?» должен был звучать как «*Кто* есть Истина?», чтобы он мог получить на него адекватный ответ²².

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что значение существительного *истина* характеризуется высокой степенью семантической автономности и не содержит потенциала для существенных изменений или «ослабления» своего лексического наполнения. Его сочетаемость весьма специфична и достаточно однородна по своему концептуальному профилю, то есть те лексические единицы, с которыми слово *истина* в принципе сочетаемо, представляют собой узкий круг однородных, близких по своему значению языковых форм. Слово *истина* в этом смысле можно назвать семантически «малоподвижным» и не подверженным метафоризации и иному переосмыслению. Имея своим исходным концептом СУЩНОСТЬ (понимаемую как главное, неизменное, но при этом неявное, скрытое основание вещей), ИСТИНА, в свою очередь, не является исходным концептом для возникновения иных, производных от неё целевых концептов.

2.3. ПРАВДА/ИСТИНА как ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ

Представленное в предыдущем разделе отнесение концепта ИСТИНЫ к СУЩНОСТИ вещей можно условно назвать «онтологической» истиной, тогда как отнесение ИСТИНЫ (или ПРАВДЫ) к наблюдаемой, воспринимаемой ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, РЕАЛЬНОСТИ использует скорее концепт истины «феноменологической».

Коренное различие, вытекающее из данной антиномии в лингвистическом аспекте, то есть с точки зрения кодификации соответствующих концептов посредством языковых знаков, может быть описано следующим образом. Сущность вещей, как правило, не наблюдается непосредственно. Она обычно скрыта, криптологична, а следовательно, её «открытие» требует определённой работы человеческого сознания над соответствующим объектом. Именно по этой причине мы говорим о *научной истине* либо об *истине веры*. Кодификация ИСТИНЫ (или ПРАВДЫ) как ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, РЕАЛЬНОСТИ не требует её отнесения к скрытой, невидимой сущности вещей, но, напротив, предполагает констатацию факта, что понимаемая таким образом *правда/истина* является «эмпирически обоснованным» феноменом, то есть тем, что доступно непосредственному наблюдению — в отличие, например, от фантазии, иллюзии и т.п.

²² Там же, с. 72 и сл.

Типичным примером понимания правды или истины как наблюдаемой, видимой реальности являются лексемы, кодифицирующие разного рода *реальные события, факты*, то есть, собственно, всё то, что доступно непосредственному наблюдению либо отвечает повседневному опыту. Таким видом *правды/истины* являются обозначения явлений натуральных, не содержащих «чуждых» неким укоренившимся представлениям и привычкам элементов. В этом смысле рассматриваемый концепт сродни ПРАВДЕ, понимаемой как НОРМА, хотя здесь имеется и весьма существенное отличие: НОРМА — это не только и не столько то, что *есть в наличии*, но прежде всего то, что *должно быть*.

Индоевропейская (вероятнее всего, глагольная) основа, от которой образованы лексемы, кодифицирующие описываемый здесь исходный концепт, восстанавливается этимологами как **cer-* с общим значением ‘оказывать благосклонность кому-л.’, ‘быть дружелюбным’²³. В дальнейшем это значение развивается в ‘(вызывать) доверие’, ‘быть правдоподобным’. Непосредственно с данным мотивом переосмысления связано значение русских слов *верить, верный, вера*, а также, например, существительных со значением ‘вера’ в других славянских языках, напр., болг. *вяра*, польск. *wiara* и др. Очевидно, что семантическое развитие слов, восходящих к названной индоевропейской основе, в славянских языках весьма далеко ушло от кодифицирования концептов ПРАВДА или ИСТИНА. В русском возникают три «смысловые версии» смежной концептуальной сферы — (устар.) *вера* как *верность, приверженность* (12), *верный* как *правильный, соответствующий истине или действительности* (13) и *вера* как религиозно или иначе обусловленная, например, основанная на доверии к говорящему, подкреплённом (или не подкреплённом) собственным опытом, «*уверенность в невидимом*» (Евр. 11, 1)²⁴ (14), ср.:

(12) Санчо Панса служил своему господину верой и правдой.

(13) Он, наконец, нашёл верное решение задачи.

(14) Вера без дел мертва (Иак. 2, 26).

Обращает на себя внимание семантическая близость существительного *вера* к существительному *правда* (в значении ‘честность’) в ус-

²³ Ср. Duden: Bd. 7. *Das Herkunftswörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache*. Bearbeitet v. G. Drosdowski u. a. Mannheim: Dudenverlag 1963, с. 750.

²⁴ Это определение *веры*, данное ап. Павлом в Послании к Евреям, до сих пор остаётся непревзойдённой семантической дефиницией данного существительного. Целиком стих 1 11 главы Послания звучит так: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Что касается первой его части, то она, конечно, к словарному определению данного существительного неприменима и связана с его конкретным контекстуальным употреблением.

тойчивом словосочетании *служить кому-л. верой и правдой* (12), где сохраняется архаическое значение слова *вера*.

Что касается значения, реализованного в примере (14), которое является в современном русском языке главным, то здесь замечательно осмысление невидимого, неизвестного, недоступного непосредственному наблюдению как реального, действительного, наблюдаемого. Иными словами, предмет веры, несмотря на своё видимое отсутствие, становится для того, кто верит, как бы реально существующим, данным в опыте. Подобное значение возникает, несомненно, опосредованно, благодаря семантике 'доверия', которая, в свою очередь, связана причинно-следственной связью со значением симпатии, благосклонности, дружбы, любви, представленном в приведённой выше исконной индоевропейской основе **uer-*.

В латинском языке данная основа не претерпевает, в отличие от славянских языков, существенной переориентации, отходящей от концепта ПРАВДЫ или ИСТИНЫ. Лат. прилагательное *verus* и существительное *veritas*, означающие соответственно 'истинный', 'подлинный', 'настоящий' и 'правда', 'истина', восходят непосредственно к индоевропейской основе **uer-*. Эта же основа представлена в других романских, а также в ряде германских и кельтских языков, ср. фр. *vérité, vrai*, итал. *verità*, исп. *verdad* (см. выше), нем. *wahr* 'правдивый', 'истинный', 'настоящий', *Wahrheit* 'правда', 'истина', англ. *verity* 'правда' (наряду с более распространённым и более общим, неспецифичным по своей семантике существительным *truth* 'правда' 'истина', производным от прилагательного *true* 'правдивый', 'истинный', 'настоящий', восходящего, конечно, к другой индоевропейской основе), древнеирландск. *fír* 'правдивый', 'истинный'. Интересным в данном контексте является немецкое сложное прилагательное *wahrscheinlich* 'правдоподобный', 'вероятный', то есть дословно 'кажущийся правдивым'. В данной словообразовательной конструкции (как в немецком, так и в соответствующих ему русских словах) мотивация основана на интерпретации какого-либо явления как близкого к правдивому, похожего на правду.

Здесь следует снова подчеркнуть отличие понимания правды как нормы или как наблюдаемой реальности от её интерпретации как (часто скрытой) сущности вещей. В случае этой последней словообразование, продуктом которого стала бы лексическая единица со значением, включающем сему 'похожести', 'подобия', едва ли возможно и во всяком случае в высшей степени нетипично, ср. *правдоподобный* vs. **истинноподобный*.

Уже упомянутое выше английское прилагательное *true* 'правдивый', 'истинный', 'настоящий' и производное от него абстрактное существ-

вительное *truth* ‘правда’ ‘истина’, по-видимому, хотя и опосредованно, также являются единицами целевой концептуальной домены ПРАВДА/ИСТИНА, восходящей к исходной домене РЕАЛЬНОСТИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ср. выражения типа *a true gentleman* ‘настоящий, подлинный, истинный джентельмен’, *tell the truth* ‘говорить правду’. Это отчасти подтверждается этимологией обеих лексем. Прилагательное *true* восходит к протогерманской основе **trewwjaz* ‘верный’, ‘правдивый’, ‘надёжный’, представленной также, например, в немецком прилагательном *treu* ‘преданный’, ‘верный’. Индоевропейским прототипом является при этом основа **dru-* с исконным значением ‘дерево’, то есть переосмысление происходит на основе сопоставления с крепостью дерева. Существительное *truth* является абстрактным именем от данного прилагательного, то есть его исконная семантика может быть восстановлена как ‘крепость’, ‘надёжность’, осмысляемая впоследствии как ‘подлинность’, ‘реальность’, и, наконец, ‘правда’, ‘истина’²⁵.

Из сказанного вытекает, в частности, что лексемы, кодифицирующие в целевом концептуальном поле ПРАВДЫ/ИСТИНЫ исходный концепт ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, РЕАЛЬНОСТИ, подобно словам, восходящим кконцепту НОРМЫ при кодификации целевого концепта ПРАВДЫ, допускают достаточно широкую и относительную трактовку. Следствия этой особенности для развития семантики и функциональной сферы данных языковых единиц будут подробно рассмотрены в следующем разделе статьи.

Поскольку в большинстве индоевропейских языков ПРАВДА и ИСТИНА кодифицируются одним и тем же словом, коренное различие между данными концептами выявляется исключительно на основе конкретного контекста. В русском и других восточнославянских языках, напротив, благодаря наличию двух разных абстрактных имён, соответствующих каждому из двух концептов, данное разграничение обнаруживается вне контекста, непосредственно на уровне словаря. Как именно данный факт влияет на участие соответствующих лексем в процессе языковых изменений, также будет показано ниже.

3. Грамматикализация

3.1. Вводные замечания

В данной главе будет рассмотрено развитие исследуемых лексических единиц со значением ‘правды’ и ‘истины’, возникших на основе описан-

²⁵ Ср. D. Harper: *Online etymology dictionary* <<http://www.etymonline.com/index.php>> (11.10.2013).

ных в предыдущей главе различных базовых (исходных) когнитивных концептов, в направлении грамматикализации, то есть постепенной утраты автосемантических черт и перехода в разряд синсемантических единиц. В частности, речь пойдёт о смене частеречной принадлежности существительного *правда*, переходящего в разряд коннекторов со статусом, близким одновременно частице и подчинительному союзу в вопросительных и уступительных конструкциях типа *правда ли, что..., правда, но....* Аналогичные процессы характерны для польского языка, где на основе существительного *prawda* (именно в значении 'правда', а не 'истина') возникают такого же типа синсемантические единицы со значением 'правда', восходящим к концепту НОРМЫ. Подобные процессы синсемантизации и грамматикализации лексем, образованных на базе концептов НОРМЫ и РЕАЛЬНОСТИ, можно наблюдать и в других языках (в латыни, немецком, английском и др.). Будет показано, что концепт ИСТИНЫ как СУЩНОСТИ ВЕЩЕЙ препятствует делексикализации и грамматикализации, а слова, возникшие на его основе, ей, как правило, не подвержены и своего статуса полнзначных лексем не меняют.

Согласно классическому определению грамматикализации авторства Христиана Леманна²⁶ этот процесс состоит в утрате лексической автономии языковой единицы, благодаря чему она становится частью системы словоформ, обладающих лишь категориально-грамматической функцией, подобной функции грамматических формантов (формообразующих суффиксов и окончаний) именного склонения или глагольного спряжения. Рассмотрение общих черт грамматикализации как универсального языкового феномена и анализ отдельных типов грамматикализации применительно к конкретным языковым единицам основаны на установлении причин и механизмов, приводящих к изменению статуса единиц, исконно принадлежавших к классу автономных, обладающих «полной» лексической семантикой языковых форм²⁷.

²⁶ Chr. Lehmann: *Grammaticalization: synchronic variation and diachronic change*. «Lingua e stile» 1985, № 20/3, с. 303; Chr. Lehmann: *Theory and method in grammaticalization*. «Zeitschrift für Germanistische Linguistik» 2004, № 32, с. 155.

²⁷ Cp. J. Bybee: *Morphology. A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam: Benjamins 1985; Chr. Lehmann: *Grammaticalization...; Theory and method...*; P.J. Hopper, E. Closs Traugott: *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press 1993; B. Heine: *Auxiliaries. Cognitive forces and grammaticalization*. New York–Oxford: Oxford University Press 1993; G. Diewald: *Grammatikalisierung. Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen*. Tübingen: Niemeyer 1997; G. Diewald: *Grammatikalisierung: Wie entsteht die Grammatik?* «Der Deutschunterricht» 2000, № 52/3, с. 18–40; B. Heine, T. Kuteva: *On the Evolution of Grammatical Forms*. В кн.: *The Transition to Language*. Ред. E. Wray. Oxford: Oxford University Press 2002, с. 376–397.

Важным фактором в процессе грамматикализации является так называемый *реанализ* (англ. *re-analysis*), под которым понимается чаще всего метонимическое по своей природе изменение первоначальной семантики той или иной единицы языка, приводящее одновременно к изменению её статуса в грамматической системе — как, например, переосмысление указательного местоимения как индикатора определённости имени, что ведёт к возникновению определённого артикля; интерпретация глаголов со значением ‘быть’, ‘иметь’, ‘становиться’, ‘делать’, ‘давать’, ‘получать’ в качестве показателей грамматического времени или залога, в результате чего формируются аналитические глагольные формы с вспомогательными глаголами и формами инфинитива или причастия полнозначного глагола, и т.д.²⁸. Реанализ опирается, с одной стороны, на аналогию, а с другой, будучи языкотворческим актом, образует основу любого языкового изменения, имеющего своей конечной точкой грамматикализацию²⁹.

Другими важными составляющими грамматикализации являются, согласно классической теории, автоматизм при употреблении говорящим грамматикализованной языковой единицы в речи и однонаправленность процессов грамматикализации, что означает невозможность возвращения однажды грамматикализованной единицы в разряд полнозначных, автосемантических лексем³⁰.

Тезисы, выдвигаемые в настоящей работе относительно роли лексических единиц со значением ‘правда’, ‘истина’ в процессах грамматикализации, сводятся в целом к следующему: грамматикализация протекает весьма «успешно» у единиц, описанных в разделах 2.1. и 2.3., то есть возникших на основе исходных концептов НОРМЫ и РЕАЛЬНОСТИ, тогда как лексемы, возникшие на основе исходного концепта СУЩНОСТИ, обладают высоким иммунитетом к грамматикализации, плохо поддаются или вовсе не поддаются реанализу и практически всегда на протяжении

²⁸ Ср. M. Baltin, P.M. Postal: *More on reanalysis hypothesis*. «Linguistic Inquiry» 1996, № 27, с. 127–145; P.J. Hopper, E. C. Traugott: *Grammaticalization...*, с. 64; Chr. Lehmann: *Theory and method...*, с. 159; R. Szczepaniak: *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen: Narr 2009, с. 35; H. De Smet: *Analysing reanalysis*. «Lingua» 2009, № 119, 1728–1755.

²⁹ Ср. P. Hopper, E.C. Traugott: *Grammaticalization...*, с. 64.

³⁰ Ср. Chr. Lehmann: *Theory and method...*, с. 172–173. Противоположный взгляд, согласно которому языковые изменения включают в себя не только грамматикализацию, но и деграмматилизацию (лексикализацию), представлен, в частности, в работах: M. Norde: *Deflexion as a counterdirectional factor in grammatical change*. «Language Sciences» 2001, № 23, с. 231–264; L. Campbell: *What's wrong with grammaticalization?* «Language Sciences» 2001, № 23, с. 113–161; L. Campbell: *Grammaticalization — A Critical Assessment*. Oxford: Oxford University Press 2002 и F.J. Newmeyer: *Deconstructing grammaticalization*. «Language Sciences» 2001, № 23, с. 187–229.

веков сохраняют своё первоначальное или близкое к нему, но при этом всегда самостоятельное, автономное лексическое значение. Задача проводимого ниже анализа состоит в доказательстве на примере исследуемых лексем того факта, что «кандидатами» на грамматикализацию могут быть исключительно лексемы, обладающие рядом определённых семантических свойств, отсутствие которых обуславливает невозможность участия той или иной лексики в процессе грамматикализации.

3.2. Грамматикализация лексем, возникших на основе исходной концептуальной домены ПРАВДА = НОРМА

В русском языке *правда* выступает в некоторых синтаксических конструкциях в функции, которую можно в известном смысле назвать «пограничной». Оставаясь по своему морфологическому статусу именной формой, данная единица не соответствует своей канонической для имени синтаксической роли, то есть не выступает в субъектной, объектной, предикативной или адвербиальной функции, а если и может формально считаться, например, предикативом, то по крайней мере несёт при этом дополнительную «иллокутивную нагрузку», обычному предикативу, как правило, не свойственную, ср.:

(15) Это правда, что ты бросил учёбу?

(16) — Сегодня будет 30 градусов жары. — Правда?!

Конечно, слово *правда* сохраняет здесь своё базовое лексическое значение, однако известная его диффузность не позволяет с уверенностью отнести его к числу классических предикативов. *Правда* легко заменяема в подобных употреблениях на дейктические модификаторы со статусом частицы типа *так* (*так ли это?*). Кроме того, его иногда вообще можно опустить, ср.:

(17) Ты что, бросил учёбу?

Собственно в примерах (15), (16) речь идёт не об установлении правды, а о дополнительном, риторически обусловленном использовании лексики *правда* как иллокутивного индикатора, усиливающей экспрессивную составляющую вопроса. Есть, впрочем, ещё одна дополнительная функция, выходящая за пределы иллокутивности и относящаяся скорее к сфере грамматики. В вопросах типа (15) слово *правда* является косвенным индикатором так называемой эвиденциальной функции,

которая состоит в том, что определённая информация известна говорящему из какого-либо внешнего источника³¹. Употребление слова *правда* косвенно указывает на то, что говорящему информация известна из источника, отличного от его партнёра по диалогу, и он хотел бы удостовериться в ней из первоисточника. В примере (16) эвиденциальность отсутствует, так как источник информации и есть непосредственный собеседник. Помимо этого, здесь выражен не столько вопрос, сколько удивление сказанным, то есть налицо иллюкутивная функция.

Существенно дальше процесс грамматикализации зашёл в следующем употреблении, где *правда* перестаёт быть существительным и максимально приближается по статусу к иллюкутивной частице, хотя и сохраняет некоторые следы исконной семантики:

(18) Эксперимент не удался. Виталий, правда, и не надеялся на успех.

Здесь налицо усилительная функция, подчёркивающая, что неудача эксперимента предполагалась заранее, до его осуществления. Поэтому можно говорить, что косвенное отношение к значению реальности здесь в известной степени сохранено.

В следующих примерах *правда* выступает в функции, пограничной иллюкутивной частице (близкой по значению к *вообще(-то)*) и подчинительному союзу *хотя*. При этом реанализ приводит, в сущности, к интерпретации, в некотором роде антонимичной исконному значению существительного *правда*. Признаваемая реальность имеет здесь уступительное значение, то есть она, несмотря на кажущуюся сущность в отношении последующей пропозиции, тем не менее не является препятствием к осуществлению выражаемого ею действия, наличия известного состояния, качества и т.п.:

(19) Он, правда, ещё не начинал делать эту работу, но уверен, что сделает её в срок.

(20) Автор мне, правда, неизвестен, но я думаю, что книга интересная.

³¹ Проблема эвиденциальности является предметом большого числа исследований, причём интерес к ней значительно усилился, в частности, благодаря типологическим исследованиям, в последние годы. Здесь она в силу своей сложности не может быть рассмотрена специально, и мы вынуждены поэтому ограничиться отсылкой к некоторым работам, посвящённым данной тематике: V.A. Plungian: *The place of evidentiality within the universal grammatical space*. «Journal of Pragmatics» 2001, № 33, с. 349–357; A. Aikhenvald: *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press 2004; *Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus*. Ред. W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg 2009; M. Kotin, M. Schönherr: *Zum Verhältnis von Epistemizität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht*. «Zeitschrift für deutsche Philologie» 2012, № 131/3, с. 393–416.

В польском языке грамматикализация слова *prawda* проявляется прежде всего в усилительной дискурсивной частице *naprawdę*, а также в словах и оборотах *wprawdzie* и *co prawda* в уступительном значении, ср.:

- (21) — Jutro temperatura wyniesie aż 30 stopni. — Naprawdę?
- (22) To było naprawdę wielkie wyzwanie.
- (23) On wprawdzie jeszcze nie zaczął pracy, ale jest przekonany, że skończy ją w terminie.
- (24) Co prawda nie znam autora, ale wydaje mi się, że książka jest ciekawa.

Пример (21) аналогичен употреблению частично грамматикализированного существительного *prawda* в подобных примерах в русском языке, ср. (16) выше. В примере (22) частица *naprawdę* выступает в усилительной функции, соответствующей рус. *действительно*, а в разговорной речи — (*и*) *правда*, в просторечии также *взаправду*, то есть параллелизм в реанализе совершенно очевиден, ср.:

- (25) Это действительно необычайное происшествие.
- (26) Ты что же, действительно/(и) правда ничего не понял?
- (27) Бабушка, а волк что, взаправду такой страшный?

Тот же параллелизм нетрудно увидеть, сопоставив польские примеры (23), (24) и (25) с русскими (19) и (20), где *prawda* и производные от *prawda* выступают в роли уступительных маркеров. Отметим здесь снова, что сама возможность подобного реанализа, как было показано в главе 2., вытекает из известной «относительности» концепта ПРАВДЫ, базирующегося на исходном концепте НОРМЫ³².

Необходимо указать ещё одну особенность грамматикализированных единиц. В случаях, когда грамматикализация приводит к полному или, по крайней мере, существенному изменению статуса соответствующих лексем с утратой их исконной семантики, данный процесс всегда сопровождается коренным изменением их просодических свойств, чего не происходит при грамматикализации частичной, с сохранением значительной части первоначального семантического объёма лексической единицы. Так, в отличие от примеров (15), (16), (21), (22), (25) и (26), где соответствующее слово не только может выступать, но и реально, как правило, выступает в ударной форме, в примерах (18), (19), (20), (23) и (24), будучи типичным иллюкутивным модификатором в статусе

³² То же, как видно из синонимичного *prawda*, грамматикализированного *действительно* в примере (25), можно отнести и к исходному концепту ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ/РЕАЛЬНОСТИ — подробнее об этом см. в разделе 3.3.

фразового оператора, оно ни в коем случае не может быть носителем фразового акцента³³.

Родственное *правде* слово *право*, метафорическое переосмысление которого также основано на исходной концептуальной домене НОРМЫ, также обнаруживает сходный путь грамматикализации, следы которой, впрочем, сохранились лишь в архаическом употреблении, которое в современном русском языке, безусловно, стилистически маркировано и воспринимается как «манерное», «вычурное», ср.:

(28) Я, право, не знаю, что мне делать.

Право выступает здесь в функции иллокутивного индикатора (безударной фразовой частицы) с усилительным значением, подчёркивающим убеждённость говорящего в справедливости своих слов.

Иной вид грамматикализации присутствует у польской частицы *prawie* 'почти', этимологически и концептуально восходящей к существительному *prawo*, ср.:

(29) Waga towaru wynosi prawie trzy kilogramy.

(30) Samochód został prawie całkowicie zniszczony.

(31) Piotrek o tym już prawie zapomniał.

(32) Jesteśmy już prawie w domu.

Данная частица не является общезнакомым рестриктором, а ограничивает степень признака или действия при отдельных членах предложения. Её семантика может быть описана как максимальное приближение к количественным, пространственным, временным и другим показателям, выраженным лексемой, к которой она относится.

В эпистемической функции, выражающей предположение говорящего о реальности собственного высказывания, выступает польское сложное наречие, содержащее основу *prawda* и непосредственно образованное от прилагательного *prawdopodobny* (ср. рус. *правдоподобный*):

(33) Prawdopodobnie pociąg będzie miał pół godziny opóźnienia.

Сравнимые результаты грамматикализации языковых единиц, возникших на основе концепта ПРАВДЫ, понимаемой как НОРМА, можно наблюдать и в некоторых других индоевропейских языках. В немецком языке частица *recht* 'весьма', 'довольно' (ср. прилагательное *recht* 'правильный' и существительное *Recht* 'право') выступает в рестриктивной

³³ Ср. *Modalität...*, с. 272–275.

функции при прилагательных и наречиях, обозначающих протяжённость, объём, количество, качество и проч., ср.:

(34) Wir haben recht gute Chancen. «У нас довольно хорошие шансы».

(35) Peter kommt recht bald wieder. «Пётр возвратится достаточно скоро».

Английская частица *right* (ср. омонимичные прилагательное со значением ‘правильный’, ‘правый’ и существительное со значением ‘право’) кодирует значение ‘именно’, ‘как раз’, ‘прямо’, ср.:

(35) You have to start right now. «Начинайте прямо сейчас».

Из приведённых примеров следует, что НОРМА в качестве исходной концептуальной домены ПРАВДЫ обладает семантическими чертами, благодаря которым лексемы, кодирующие ПРАВДУ как целевую домену, имеют соответствующие характерные особенности, обуславливающие их довольно высокий потенциал в качестве «кандидатов» на грамматикализацию. Возможность реанализа обусловлена, между прочим, трактовкой НОРМЫ (а следовательно, и производной от неё ПРАВДЫ) как относительного понятия. Помимо этого, границы семантики НОРМЫ весьма широки, размыты, подвижны в пространстве и времени и не поддаются строгому определению. Поэтому семантика любых языковых единиц, возникающих на основе этого концепта, является либо неспецифичной, либо как минимум обладает сниженной или ограниченной специфичностью. Описанные признаки соответствуют критериям, которым должен удовлетворять классический «кандидат» на превращение в грамматикализированную единицу языковой системы.

3.3. Грамматикализация лексем, возникших на основе исходной концептуальной домены ПРАВДА/ИСТИНА = ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ

Подобно НОРМЕ, (наблюдаемая) ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ в качестве исходной домены концепта ПРАВДЫ/ИСТИНЫ является, если так можно говорить о концептах, «немаркированной единицей». Её семантический объём весьма велик, а границы достаточно подвижны и размыты. Наблюдение за тем или иным объектом может осуществляться с разных точек зрения, а знание о нём, полученное в ходе такого наблюдения, можно трактовать как относительное или

неполное. Поэтому в языках, которые кодифицируют ПРАВДУ/ИСТИНУ на базе данного исходного концепта, соответствующие лексемы в отношении грамматикализации ведут себя в целом так же, как единицы, описанные в предыдущем разделе.

Так, в немецком языке прилагательное *wahr* ‘правдивый’, ‘истинный’, ‘действительный’, ‘настоящий’, являющееся деривационной базой для абстрактного существительного *Wahrheit* ‘правда’, ‘истина’, в сочетании с отрицательной частицей *nicht* ‘не’ образует риторический оборот в высказываниях, где говорящий, желая подчеркнуть правоту своего суждения, обращается к собеседнику с вопросом, который в действительности содержит лишь усилительное иллокутивное утверждение:

- (36) Du bist ja über alles ausreichend informiert worden, nicht wahr?
 «Ты же получил всю необходимую информацию, не так ли?»

Гораздо дальше грамматикализация продвинулась в случае с уступительной частицей *zwar*, которая по своей семантике целиком соответствует рассмотренной выше частице русского языка *правда* и польским *wprawdzie*, *co prawda* в уступительной функции, ср.:

- (37) Zwar ist mir der Autor unbekannt, aber ich glaube, dass das Buch interessant ist. «Автор мне, правда, неизвестен, но я думаю, что книга интересная».
 (ср. примеры (20) и (24) выше).

С точки зрения основных постулатов теории грамматикализации немецкая частица *zwar* обнаруживает наивысшую степень грамматикализированности, поскольку, в отличие от русского и польских аналогов, не сохраняет в современном немецком языке даже формального знакового сходства со своей «лексемой-донором» (прилагательным *wahr*). Источником данной частицы является утраченное в современном языке сочетание предлога, который этимологически соответствует современному немецкому *zu* ‘к’ (древневерхненем. *zuo*, *zi*, средневерхненем. *ze*), и прилагательного *wahr*, которое в древневерхненемецком имело форму *uuâri*, а в средневерхненемецком — *wâre*. Древневерхненем. *zi uuâri*, средневерхненем. *ze wâre*, *zewâre* имело значение ‘действительно’, ‘воистину’, однако впоследствии кардинально изменило не только семантику, превратившись в уступительную частицу, но и форму — вследствие процессов синкопы и апокопы двух редуцированных гласных *e* [ə], результатом чего стал полный отрыв грамматикализированной формы от своего архетипа.

Вторым результатом грамматикализации исконного сочетания предлога направления и прилагательного со значением ‘правдивый’

в немецком языке стало сочетание полученного таким образом *zwar* с сочинительным союзом *und*, давшее оборот с поясняющей семантикой ‘а именно’:

- (38) Der Umsatz des Konzerns stieg unerwartet rasch, und zwar um 20% in einem Jahr. «Товарооборот концерна неожиданно вырос очень существенно, а именно на 20% за год».

В английском языке в результате реанализа возник оборот *beware!* ‘внимание!’, состоявший первоначально из предлога *be* со значением ‘у’, ‘при’ и старого прилагательного *ware* с веритативной семантикой.

Разнообразные функции развились также у латинских грамматикализованных единиц, производных от прилагательного *verus* ‘правдивый’, ‘истинный’, ‘настоящий’, этимологически родственного нем. *wahr* и (устаревшему) англ. *ware*. Частица (ср. омонимичное наречие) *vero* употребляется в латыни как в значении ‘но’, ‘ведь’, так и в значении ‘напротив’, ‘несмотря на’, ‘хотя’, то есть практически в тех же функциях, что русская частица *правда* и польские частицы *naprawdę*, *wprawdzie*, *co prawda*.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что, несмотря на различные исходные концептуальные домены, лежащие в основе кодификации ПРАВДЫ в разных языках (НОРМА vs. РЕАЛЬНОСТЬ), лексемы, возникшие на их основе, являются оптимальными «кандидатами» для грамматикализации. Более того, реанализ в их историческом развитии происходит в значительной степени аналогично, а его результаты (в основном, возникновение частиц с рестриктивной, поясняющей или уступительной функцией) в целом сравнимы. Определяющими факторами в обоих случаях являются при этом относительность целевого концепта ПРАВДЫ, понимаемой как НОРМА или как РЕАЛЬНОСТЬ, и широкая, неспецифичная семантика соответствующих лексических единиц.

3.4. Отсутствие грамматикализации у лексем, возникших на основе исходной концептуальной домены ИСТИНА = СУЩНОСТЬ

В разделе 2.2. был показано, что исходная концептуальная домена ИСТИНЫ — понятийная сфера СУЩНОСТИ вещей — относится не к явлениям как таковым, а к их исконным, глубинным, скрытым чертам. Их выявление, обнаружение является поэтому следствием работы

мысли, к чему относится широко понимаемое приобретение знания, будь то научная деятельность или, например, религиозное откровение. Стремление к так понимаемой истине и её достижение в принципе исключает какую бы то ни было относительность, которая может присутствовать в данном концепте лишь как неполное, даже ложное *знание* о сущности вещей, но ни в коем случае не может признаваться чертой самой этой *сущности*. В данном смысле отсутствие истины вообще невозможно, как невозможно отсутствие сущности объекта. Возможно лишь отсутствие знания об истине, или заблуждение, которое является не отклонением от нормы или иллюзией, а естественным этапом познавательного процесса, цель которого всегда состоит в замещении незнания знанием. Истина независима от точки зрения, традиции, представлений о норме и т.д., в силу чего является в значительной степени абсолютной категорией³⁴.

Языковые единицы, возникающие на основе «освоения» данного концепта языковой системой, обнаруживают черты, принципиально отличные от признаков рассмотренных выше лексем, опирающихся на концепты ПРАВДЫ как НОРМЫ или как (наблюдаемой) ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. Им не свойственны подвижные семантические границы и неспецифичная семантика. Их значение в высокой степени специфично в том смысле, что они всегда маркированы в отношении выражаемых ими понятий. С известными оговорками можно говорить здесь об «узкой» семантике этих единиц и их «иммунитете» к процессам метафоризации, а также к метонимизации, образующей основу реанализа. Помимо этого, рассматриваемые лексеммы в значительной степени сопротивляются любым изменениям, связанным с семантической диффузией или «ослаблением» элементов, составляющих их семантическую целостность — то есть, в конечном итоге, изменениям, ведущим к превращению автосемантической (полнозначной) лексеммы в синсемантическую языковую форму (грамматикализации).

Высокая степень семантической специфичности русского существительного *истина* может быть лучше всего показана на двух следующих примерах:

- (39) Время необратимо — это правда/истина.
 (40) Заседание длилось два часа — это правда/*истина.

³⁴ Не следует смешивать при этом абсолютности концепта и дифференцированности понимания истины как философской категории. Как известно, последняя может быть как абсолютной, так и относительной. Парадокс концептуализации состоит, однако, в том, что «абсолютными» в концептуальном смысле являются оба вида философской истины.

Существительное *истина*, употребляемое в утверждениях общего характера, относительно вещей неизменных, не привязанных к конкретному времени и не зависящих от конкретной ситуации либо особенно важных, существенных, в определённых контекстах может выступать как синоним слова *правда*. Исключено, однако, его употребление в контекстах, описывающих, например, отдельное, частное событие (если опять же речь не идёт о его сущностном значении, например, когда в суде выясняется *истина* по делу о преступлении).

Другая особенность семантики существительного *истина* — это отсутствие градации при её интерпретации как явления, принадлежащего концептуальной сфере ПРАВДЫ/ИСТИНЫ. Если *правда* может в принципе различаться по признаку *степени* (благодаря чему возможны производные типа *полуправда*), то истина всегда *монолитна* и *неделима* (отчего *полуистина* невозможна), как уже было показано выше, в разделе 2.2.

Названные особенности обуславливают, в частности, невозможность понимания *истины* как относительного, изменяемого, нестабильного феномена, зависящего от субъективной точки зрения человека или принятых в данном социуме норм³⁵.

Перечисленные черты лексических единиц со значением ‘истины’, восходящие к концепту СУЩНОСТИ, обуславливают их иммунитет к грамматикализации: такие лексемы не меняют статуса автосемантических единиц, а в тех случаях, когда реанализ в некоторой степени всё же имеет место, начинающаяся «грамматикализация» всегда останавливается на полпути. Так, например, иллокутивно окрашенное наречие *воистину* полностью сохраняет исходную концептуальную референтность и не подвержено дальнейшему ослаблению своей лексической семантики и вытеснению её стержневого элемента, ср.:

(41) Пушкин воистину величайший поэт! (то есть не просто *действительно* или *и правда*, но именно *истинно*, то есть в *сущностном* смысле).

Помимо сказанного, следует отметить, что (в значительной мере именно благодаря вышеперечисленным семантическим особенностям) русское существительное *истина* в подавляющем числе случаев может

³⁵ Вновь подчеркнём, что речь идёт о лингвистическом аспекте вопроса. Относительность истины и её зависимость от исторической ситуации, точки зрения индивидуумов и проч., постулируемые особенно часто в современных философских и иных теориях, не отменяют того факта, что каждый раз при этом происходит сдвиг значения, а, говоря более точно, подмена понятий, поскольку концепт ИСТИНЫ вытесняется во всех подобных случаях концептами ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТИНЕ, что далеко не одно и то же.

быть заменено синонимичным, неспецифичным и немаркированным, существительным *правда*, тогда как значение существительного *правда* во множестве контекстов не соответствует (несравнимо более специфичному) значению существительного *истина*. Этот факт полностью соответствует сформулированному ещё классиками Пражской школы постулату, согласно которому немаркированная единица может в так называемой «позиции нейтрализации» выступать вместо единицы маркированной, но не наоборот. Как именно данная черта проявляется при возникновении синсемантических (грамматикализованных) единиц языка из автосемантических (лексически автономных), показано в разделах 3.2.–3.4. настоящей главы.

4. Итоги

В настоящей статье были рассмотрены два аспекта возникновения, функционирования и исторического развития языковых единиц, кодирующих концепты ПРАВДЫ и ИСТИНЫ в русском и некоторых других языках индоевропейской семьи — прежде всего славянских и германских.

Первый аспект проблемы — возникновение полнозначных (автосемантических) единиц (лексем) на базе концептов, принадлежащих к так называемым «исходным доменам»: ПРАВДА как НОРМА; ПРАВДА/ИСТИНА как (наблюдаемая) ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ; ИСТИНА как СУЩНОСТЬ вещей.

Второй аспект — дальнейшая судьба единиц, кодирующих соответствующую «целевую домену» (то есть ПРАВДУ и/или ИСТИНУ), возникшую на основе перечисленных «исходных доменов», прежде всего их развитие в направлении грамматикализации, то есть возникновения неавтономных, синсемантических единиц.

Проведённый анализ показал существенное различие в значении и функционировании исследуемых единиц в зависимости от их происхождения от той или иной «исходной домены».

НОРМА и (наблюдаемая) ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ содержат компоненты, которые позволяют интерпретировать возникшие на их основе лексемы как единицы с неспецифичной семантикой, немаркированные, многозначные, кодирующие относительные или подверженные градации (то есть проявляющиеся в большей или меньшей степени) явления. Благодаря этим особенностям они обладают весьма значительным потенциалом семантического развития, в том числе утраты первоначальной семантики или ослабления своих автосемантических

черт и вследствие этого частичной или полной грамматикализации, то есть изменения категориального статуса и перехода в разряд синсемантических единиц — таких, как, например, рестриктивные, уточняющие или, как результат ещё большей грамматикализации, иллюкутивные частицы со статусом фразовых операторов.

Совершенно иначе ведут себя лексемы, возникшие на основе «исходной домены» СУЩНОСТЬ вещей. ИСТИНА как «целевая» когнитивная домена кодифицируется в данном случае посредством лексем с высоким уровнем семантической специфичности, маркированных, не поддающихся градации по степени присутствия или проявления качества и лишённых признака относительности. Поэтому первоначальные семантические признаки в их исконной конфигурации сохраняются у данных лексем в течение их многовековой истории. Семантические границы подобных слов стабильны и неизменны, следствием чего является их «иммунитет» к изменениям исконного значения и автосемантического статуса, прежде всего к реанализу и грамматикализации.

Michail L. Kotin

PRAWDA I ISTINA: O JĘZYKOWEJ KODYFIKACJI
KONCEPTÓW „WERYTATYWNYCH”

Streszczenie

W artykule są rozpatrywane dwa aspekty semantyki jednostek leksykalnych zawierających znaczenie prawdy w języku rosyjskim w zestawieniu z innymi językami indoeuropejskimi. Pierwszy aspekt badawczy to pojęciowe źródła dwóch rosyjskich rzeczowników: *prawda* oraz *istina*, a także pochodnych od nich. Pokazano, że leksemy te bazują na różnych wyjściowych konceptach. „Norma” (w innych językach jej odpowiednik — postrzegana rzeczywistość) — stanowiąca podstawę konceptu „prawda” — jest niewyspecyfikowana, pozwala na wiele interpretacji, ma rozmyte granice, podczas gdy leżąca u podstaw wyrazu *istina* „istota”, odwrotnie, jest wyspecyfikowana, monosemantyczna i niepodatna na przesunięcia semantyczne. Ta różnica warunkuje, że wyraz *prawda* w większym stopniu staje się obiektem procesów gramatyzacji, tracąc swoje znaczenie podstawowe, choć wyraz *istina* nie traci autonomii semantycznej i posiada swego rodzaju immunitet na gramatyzację.

Mikhail L. Kotin

ПРАВДА AND ИСТИНА:
ON THE LANGUAGE CODIFICATION OF VERITATIVE CONCEPTS

Summary

The paper deals with two aspects of the semantics and the categorial potential of language entities encoding various concepts of TRUTH in Russian in comparison with several other I.-E. languages. The first one is the conceptual origins of both Russian key nouns in question, namely *правда* denoting, among others, true sentences, right solutions, an honest behavior, etc., and *истина* referring to the truth in its scientific, philosophical, religious etc. sense. It is shown that each lexical item is based on different source concepts, respectively NORM and ESSENCE, so that the two different target concepts of the ‘truth’ are to a huge degree influenced by them. The second approach is devoted to the grammaticalization potential of Russian and other lexical entities with “veritative” semantics. Since the source concept of NORM (as well as, in other languages, one of an observed REALITY) is non-specific and widely poly-semantic, it is per se predestinated to semantic change including the loss of semantic autonomy and grammaticalization. On the contrary, the ESSENCE concept prohibits or at least strongly restricts both semantic change and grammaticalization of the items based on it.